

ПОДХОДЫ К ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКЕ ЛЕКСИКО-
ГРАММАТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА УЗБЕКСКОГО И
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Рахимов Г.Х.

Проф. Узбекский государственный университет мировых языков

Узбекистан, Ташкент

e-mail: rakhimovdpi@gmail.com.

Raximov G.H.

Prof. Uzbekistan state university of world languages

Uzbekistan, Tashkent

e-mail: rakhimovdpi@gmail.com.

Аннотация: *Рассматриваются наиболее оптимальные подходы к лингводидактической обработке лексико-грамматического материала узбекского и английского языков с позиций коммуникативной методики в целях определения минимума необходимых единиц интенсивного обучения английского языка в современном узбекоязычном обществе.*

Ключевые слова: *узбекский язык [как государственный], английский язык [как изучаемый], лингводидактика, языковая картина мира, специфика англоязычного образа жизни, культура, узбекско-английская идиоматическая схожесть, общее и различительное в языках, синтаксический уровень.*

APPROACHES TO THE LINGVODIDACTIC PROCESSING OF LEXICO-
GRAMMATIC MATERIALS OF UZBEK AND ENGLISH LANGUAGES

Abstract *The article considers the most optimal approaches to the lingvodidactic processing of lexico-grammatical materials of Uzbek and English languages from the position of communicative method with the aim of defining the minimum of necessary items of intensive teaching of English in present Uzbek-speaking society*

Keywords: *Uzbek language (as official), English (as learning) lingvodidactics, linguistic picture of the world, specifics of English way of living, culture, similarities of Uzbek-English idiomativeness, generalities and differences in languages, syntactic level.*

Известно, что естественный человеческий язык представляет собой сложное, противоречивое и многоаспектное явление. Лингвистическая наука подходит к нему с разных позиций и с различных аспектов. Так, в последнее время всё большее внимание уделяется ему как средству коммуникации. Причём особую значимость язык обретает как мощная социальная сила, совершенствующая человека и общество. В реализации этой глобальной функции важно оптимальное использование накопившихся научных данных в систематизации концептуальных знаний, направленных в русло прикладных реализаций. Подобная установка на упорядочение имеющихся к настоящему времени лингвистических знаний, их систематизация и критический анализ установившихся научных утверждений и принятых понятий позволяют интенсифицировать описание языка с позиций задач постиндустриального общества. Это необходимо, например, при обеспечении запросов государственных языков, при межъязыковом сопоставлении, переводе, разработке инновационных основ перехода с одного языка обучения на другой (скажем, с узбекского или русского языка на английский) и т.д.

Поэтому в последнее время «лингвистика подошла к решению проблемы о таком моделировании значения языковых единиц, которое соответствовало бы реальностям их функционирования в коммуникативных актах. Новейшая коммуникативная лингвистика охватывает такие направления, как: «теория речевых актов», «дискурсивная семантика», «процессуальная семантика», «коммуникативный синтаксис», «контекстная лингвистика», «лингвистика текста», различные направления прагмалингвистики и др. Общими особенностями различных направлений коммуникативной лингвистики являются: 1) анализ языковых единиц в конкретных условиях коммуникативных актов; 2) рассмотрение текста (высказывания) как исходной позиции интерпретации языка. Коммуникативная лингвистика выясняет характер приспособления семантической структуры отдельного значения языковой единицы к условиям конкретного коммуникативного акта» [1, с. 8].

Обратимся к лингвистическому и дидактическому освоению английского языка в современном Узбекистане. Оно проводится прежде всего с охватом ознакомления, изучения и последовательного прикладного использования по отдельным жизненно важным философским категориям универсального порядка [2, с. 14]. В них раскрываются наряду с инонациональными сближениями / совпадениями (англо-узбекскими, англокаракалпакскими, англо-русскими, англотаджикскими и др.) также собственно англоязычные специфические особенности.

Таковой, например, избирается время жизни человека в периодизации: рождение / детство / юность / совершеннолетие / брачный возраст / зрелость / старость / смерть. Если подойти к английской языковой картине мира с позиций семантической подгруппы «рождение / ранняя молодость», то специфическим здесь будет устойчивый словесный комплекс [УСК] *age of discretion* [«возраст ответственности»].

Англо-иноязычное сходство определяется с опорой на историко-психологическую и ментальную близость. Ср. отражение уважительного отношения у англичан и узбеков к пожилым людям в следующей параллели: англ. *green old age* -о- узб. “*qarigan chog’da*” [«бодрая старость»] [«на старости лет»].

Образная специфичность завершения жизни ассоциируется в английской языковой картине мира с «западом» - *to go west*, «рай» - с удачной охотой - *happy hunting*, могила - с маргаритками - *under the daisies* и т.д.

Разумеется, здесь следует учитывать специфику англоязычного образа жизни, что проявляется в повышении ценностного статуса в обществе людей почтенного возраста. Об этом убедительно свидетельствуют и такие сигналы в англоязычном социуме, как:

- появление слова *middlescence* -the period of life between 40 and 65;
- смягчение в лексике повседневного общения дискриминации по возрасту [от 65 лет и далее]: *great age*; *honourable age*; *autumn years*; *golden age*; *golden years*; *advanced age*; *ripe age*; *the value of years*; *age of seniority*; *the vintage years*; *third age* [3];
- считается нежелательным использование слова *old*, которое указывает на возраст человека; его заменяют многокомпонентные словосочетания - эвфемизмы с положительной коннотацией: *woman of certain age*; *September people*; *nature lady*; *retired people*; *white top*; *experientially enhanced person*; *seasoned man*; *chronologically gifted*; *middleaged man*; *venerable man*; *nature American*; *people of the “third age”*; *third ager*; *golden ager*; *a man in years*; *senior citizen*; *advanced in age person*; *advanced adult* и др. [3] и т.д.

Указанную особенность англоязычной культуры непременно следует учитывать в лингводидактическом восприятии узбекоязычной средой.

Узбекско-английская идиоматическая схожесть широко выявляется по самым различным семантическим подборкам. Ср. параллелизм узбекско-английских УСК, выражающих семантико-образную близость доминанты «молодой» [конкретно «молодость» / «неопытность» / «недостаток жизненного опыта»]: *yoshlik* - *beboshlik* - *Salad days* [соответственно рус. «молоко на губах не обсохло», «молодо-зелёно», т.е. вообще «пора жизненной неопытности»] с последующим углублением в узбекское идиоматическое многообразие: “*Hali xomsan, pisharsan, bu damingdan tusharsan*” [букв.

«Погоди-ка, ты ещё зе-лён, а вот дозреешь - и выбросишь глупости из головы»]; “bir qarichlikdan” [букв.: «ещё когда был с вершок»]; “Mo’uchinak tishlamagan” [букв. «Ещё пинцет не выщипывал его волос»]; “Ona suti og’zidan ketmagan” [букв. «Ещё материнское молоко на губах не обсохло»] и др.

Узбекско-английское сопоставление обусловливается зависимостью от ментальности носителей соответствующего языка, предусматривает учёт способов мышления [конкретность - абстрактность], сложившихся в сопоставляемых культурах отношений к той или иной лингво-философской категории, особенностей коммуникативного поведения и т.д. При репрезентации в языках они пересекаются, формируя общее и различительное в системе отражения конкретно избранного фрагмента картины мира.

Поступательное усвоение узбекоязычным обществом английского языка обусловило пристальное внимание к широкой типологической проблематике и теории языковых универсалий. Тем самым не только решаются текущие лингвистические задачи, но и делаются прогнозы по дальнейшей перспективе узбекско-английского сравнительного сопоставления, снятию трудностей в изучении узбеками английского языка на основе новых педтехнологий.

Опыт показывает, что необходимое установление закономерностей типологии изучаемого английского языка оказывается наиболее результативным после раскрытия специфики его отдельных микросистем в сходно-различительных параметрах по отношению к системе и структуре узбекского языка.

Если обратиться к синтаксическому уровню, то анализ узбекского и английского языков должен опираться на существующие в них объективно нейтральные лингвистические единицы, которые позволяют определить типологический контур конкретно взятой микросистемы. Так, в исключительно распространённых в узбекском и английском языках атрибутивных словосочетаниях основой подобного сравнения будут типы словосочетаний в виде двучленных моделей. Им присуща номинативная функция. Она организуется посредством подчинительной связи. Тем самым устойчиво реализуется сочетание синтаксических отношений, которые отличаются фиксированной позицией составных компонентов.

В зависимости от принадлежности стержневого компонента словосочетания к какой-либо части речи выделяются подтипы, которые в свою очередь далее группируются по частеречной характеристике синтаксически подчинённого компонента.

Особенно показателен для узбекскоанглийского сопоставления атрибутивнопрепозитивный тип с примыканием. В нём у синтаксической связи

между базовым и подчинённым компонентами нет морфологического оформления. Она поддерживается в синтаксическом двучлене только порядком расположения компонентов. Причём подчинённый компонент предшествует базовому (стержневому).

По частеречной принадлежности базового компонента выделяются подтипы именной с базовым существительным, адъективный с базовым прилагательным и глагольный с базовым глаголом.

В свою очередь именной подтип сводится по частеречной характеристике подчинённого компонента в такие группы, как:

- адъективно-именная:

узб. “aqlli odam” [«умный человек»] - англ. a clever man;

“qizil gul” [«красный цветок»] - a red flower; “shirin olma” [«вкусное яблоко»] - a nice apple;

“yangi bino” [«новое здание»] - a new building.

В них подчинённый компонент представлен прилагательным конкретного значения [размера, объёма, вкуса, цвета, физических качеств, света и т.п.] или прилагательным отвлечённого значения [к примеру, это положительные и отрицательные оценки умственных или моральных качеств];

- местоимённо-именная:

узб. англ. “shu dala” [«то поле»] - that field “bu ko’cha” [«эта улица»] - this street “har oy” [«каждый месяц»] - every month “ba’zi o’quvchilar” - some pupils [«некоторые ученики»]

“bizning qishloq” - our village [«наш кишлак»].

В них подчинённые компоненты представлены местоимением соответствующего разряда;

- субъектно-именная группа с подчинённым субстантивным компонентом, означающим свойство или качество предмета, вещество, материал, из которого изготовлен объект - базовый компонент словосочетания:

узб. англ. “tosh ko’prik” [«каменный мост»] a stone bridge “kumush qoshiq” [«серебр. ложка»] a silver watch “dala chechagi” [«полевой цветок»] a field flower “shahar hayoti” [«городская жизнь»] town life и др.

- нумеративно-именная группа, где подчинённый компонент представлен числительным [порядковым, количественным или неопределённым]:

узб. англ. “o’ninchi qavat” [«десятый этаж»] the tenth floor “beshinchi kun” [«пятый день»] the fifth day и т.д.;

• причастно-именная группа, где подчинённый компонент представлен формой причастия [I или II]:

узб. англ. “o’tirgan kishi” [«сидящий человек»] a sitting man “qaynayotgan suv” [«кипящая вода»] boiling water и т.д.

В дальнейшем целесообразно учесть [что важно лингво-дидактически] возможные [типичные] синтагматические расширения рассматриваемых словосочетаний [по месту, времени или другим обстоятельствам, выражаемым в подчинённом компоненте]:

узб. “o’tirgan kishi” ^ “bog’da o’tirgan kishi” //

англ. a sitting man ^ a (the) man sitting in the garden.

В подобных случаях ещё нагляднее представляются типологические расхождения между сопоставляемыми языками: в узбекском языке текстуальное расширение проходит справа налево, а в английском - слева направо. Соответственно выстраиваются далее и другие возможные словосочетательные подтипы, знание которых максимально способствует построению эффективных обучающих ситуаций. Это, к примеру, адъективный подтип: узб. “juda issiq” [«очень жаркий», «очень жарко»] -англ. very hot; узб. “juda katta” [«очень большой»] - англ. very large и т.д.

Из вышесказанного очевидно, что в проведении контрастивного анализа в поисках семантико-грамматической и прагматической соотнесённости сопоставляемых в лингводидактических целях языков следует исходить из соотносительности понятийного содержания и средств его выражения.

Так, если соотносить способы реализации компаративности в английском языке [like, by comparison, as...as, resemble, compared with, similar, more. that, -er.that] и разноуровневое^ воспроизведения в узбекском языке этих значений, то отмечается чёткое группирование синтаксических конструкций:

• к одному семантическому классу, ср. лицо: Like all human beings she had a touch of vanity (T. Dreiser) ^ “Hamma odamlar singari Kerrida ham o’z bilarmonlikdan jin-day bor edi” (T. Drayzer),

• к разным семантическим подклассам, ср. лицо и животное: He glad little cry rang in his ears and he felt her clinging to him like a cat [J. London] ^ “U qiz-ning sevinch to’la nidosini eshitdi: qiz sho’x mushukbola singari Martinning pinjiga suqildi” [J. London] и т.д.

При необходимости эквивалентация достигается большей или меньшей комплексностью подбираемых средств выражения соответствующего понятийного содержания. Скажем, если взять предлог направления в английском языке to [«к»], означающий направление движения субъекта к объекту конечной цели, то он передаётся в узбекском языке:

• послелогом - именем “oldi” / “yoni” + аффиксом дательного падежа -“ga”: The teacher asked the pupil to come to the blackboard ^ “O’qituvchi o’quvchining doska | ga | chiqishiniso’radi”// “O’qituvchi o’quvchining doska oldiga|yoniga| chiq-ishini so’radi”;

• аффиксом дательного падежа - “ga” у существительного в функции обстоятельства места: The pupil went to the blackboard and began to write ^ “O’quvchi doskaga chiqdi va yoza boshladi” или же

тем же суффиксом -“ga” [в значении «в»]: We go to school in the morning -“Biz maktabga ertalab boramiz” и т.п.

В указанной направленности и следует развивать, как нам представляется, узбекско-английское межъязыковое сопоставление. Тем самым возможным оказывается базовое решение комплексных лингво-дидактических задач с учётом общественной функции языка, социального аспекта языка и соотносительных с ним языковых процессов, соотношения экстралингвистических и паралингвистических явлений, семантики типологически релевантных категорий и т.д. Возникшая же в современном узбекоязычном обществе острая необходимость овладения английским языком будет опираться на такие фундаментальные положения, согласно которым именно жизнь конкретного языкового коллектива (и общества в целом) определяет содержание, форму, функции и использование изучаемого языка (как неродного). Это залог того, что вспомогательный английский язык обретёт надлежащие права существования в бурно развивающемся узбекоязычном обществе, всё более ориентирующемся на плодотворное сотрудничество с окружающим миром.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бушуй, А.М. Речевая деятельность как основа коммуникативно-ориентированного обучения иностранным языкам [Текст] / А.М. Бушуй // Вопросы теории языка и методики преподавания иностранных языков: в 2 ч. Ч. 1. - Таганрог: Изд-во Таганрогского гос. пед. ун-та им. А.П. Чехова, 2011. - С. 4-8.

2. Джусупов Н.М. Активные стилистически релевантные процессы как результат выдвижения языковых девиаций (на материале английского и русского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. No 1. С. 19—27.

3. Рахимов Г.Х. Инглиз тили Ўзбекистонда: социолингвистик ва прагматик кўрсаткичлар. Ташкент, «TAMADDUN», 2017, 268 с.

4. Шпильная, Н.Н. Языковая картина мира в структуре речемыслительной деятельности языковой личности [Текст] / Н.Н. Шпильная. - Москва: Либроком, 2014. - 148 с.

5. Holder R.W. Dictionary of Euphemisms. Oxford: Oxford University Press, 1995. P 470.

Сведения об авторе:

Рахимов Ганишер Худайкулович, доктор филологических наук, профессор Узбекского государственного университета мировых языков, e-mail: rakhimovdtpi@gmail.com.

Rakhimov Ganisher Khudaykulovich, doctor of philological sciences, professor of Uzbek State University of World Languages, e-mail: rakhimovdtpi@gmail.com.